

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 3–14, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-3-14
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

The Oirats and Tibet in the 17th–18th cc.: Tibetan and Russian Historiography on Some Events with the Participation of the Khoshuts and Dzungars

Elza P. Bakaeva ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Department of Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: bakaevaep@kigiran.com.

Abstract

The article examines the events during which the Oirats were involved in the political life of Tibet in the 17th–18th centuries; special attention is paid to the peculiarities of historiographic approaches to some facts.

The prominent role played by the Khoshut ruler Güshi Khan in the establishment of the Tibetan theocracy is recognized universally. However, in a 18th century work by cleric Sumpa Khenpo he is actually referred to as a savior of the religion, defender of the faith and reincarnation of the great Buddhist teacher Padmasambhava; the bestowing of the title 'Dharmaraja' on Güshi Khan was reported to have been preceded by some airglow around him. A 20th century Tibetan researcher, W. D. Shakabpa, claims that his title of *King of Tibet* was rather formal, and the position of *Khan* within the Tibetan community was lower than that of *Desi / Diba* who acted as the chief administrator — which is illustrated by the place assigned to him at audiences in accordance with special rules based on hierarchy and age. W. D. Shakabpa recognizes his religious zeal and devoted worship of the Dalai Lama, and mentions a fact testifying that before Güshi Khan's conquest of Tsang the Tibetan hierarch preferred that the Khoshut ruler would return to Kokonor (Qinghai). Though it is usually considered that the Khoshut protectorate over Tibet was established in 1642, the Tibetan scholar mentions that "all political activities were conducted by *Desi*". At the same time, W. D. Shakabpa points out the gross mistake introduced in a number of Chinese sources according to which the Mongols have since ancient times been viewed as vassals to the Chinese and, thus, Güshi Khan is erroneously reported to have been a Chinese representative.

Under Güshi Khan's heirs, the role of Khoshut rulers in Tibetan policies decreased dramatically which resulted in an attempt by his descendant, Lhabzang Khan, to seize real power. Tsewang Rabtan, the *Khan* of Dzungaria, was to become another 'Güshi Khan' — a savior of the Buddhist church from the usurper Lhabzang — and gain certain influence on Tibetan rulers. But the international situation had changed over the past decades which determined the historical landscape when Dzungars were invited to settle the internal socio-political crisis. The article analyzes the events during the mentioned crisis in Tibet that resulted in a growth of Manchu political presence.

Keywords: Oirats, Tibet, 17th century, 18th century, secular and spiritual power, historiography.

В предисловии к книге известного тибетского общественного деятеля, историка, Цепона¹ В. Д. Шакабпы «Тибет: политическая история» Далай-лама XIV пишет: «Это первая работа такого рода, написанная тибетцем на английском языке, она будет иметь огромное значение для формирования истинного представления о Тибете, особенно сегодня, когда в этом есть острая необходимость» [Shakabpa 1967: 7; Шакабпа 2003: 7]. Написанная на основе оригинальных тибетских источников, книга Цепона В. Д. Шакабпы являет собой уникальное явление тибетской светской историографии, посвященной истории Тибета.

Попробуем осветить некоторые особенности взгляда представителей тибетской историографии на события, связанные с проведением военных действий в Тибете хошутским Гуши-ханом в XVII в. и джунгарским Цэван-Рабданом в начале XVIII в., когда, по мнению Е. Л. Беспрозванных, «Цэван-Рабдан должен был стать новым Гуши-ханом, „спасителем“ буддийской церкви от узурпатора Лхавзана², человеком, который восстановит на троне в Потале законного Далай-ламу» [Беспрозванных 2001: 157], что способствовало бы и установлению определенного влияния на тибетских правителей со стороны джунгаров.

В исследовании Цепона В. Д. Шакабпы отмечается: приверженцы Гелугпы установили тесные связи с монгольскими правителями, и это отразилось в том, что в начале 1620-х гг. монгольские монахи и некоторые тибетские гелугпинцы даже намеревались отправить Далай-ламу V в Монголию, но затем его личные помощники увезли его в южный Тибет, где скрывали в течение года [Шакабпа 2003: 115], и в том, что состоялось обращение к лидерам «ойратов и джунгаров» за помощью в «предотвращении уничтожения своей традиции, которую они сравнивали со „светильником, мерцающим в свирепую бурю“» [Шакабпа 2003: 116]. Согласно тибетским источникам, руководство войсками было возложено ойратами на лидера хошуты Гуши-хана, который при поддержке джунгарского Батура хунтайджи

и торгутского Хо-Урлюка должен был принять участие в военных действиях на стороне приверженцев Далай-ламы [Шакабпа 2003: 116].

Роль лидера ойратского этнополитического объединения хошуты — Гуши-хана³ — в установлении теократического правления в Тибете признается всеми исследователями. В 1638 г. Далай-лама V пожаловал ему титул, который в тибетской историографии называется Тэнзин Чокьи Гьелпо ‘Религиозный царь и Хранитель буддийской веры’ [Шакабпа 2003: 118] (имя также может быть записано «Данзин Чойджал» и переведено ‘Царь законов и опора религии’ [цит. по Санчиров 1977: 22⁴] или Тензин Чоский Гьялпо ‘Царь религии и веры’), что в историографии обычно рассматривается как установление отношений «наставник — милостынедатель». Так, Е. Л. Беспрозванных, излагая сведения о церемонии подношения Гуши-хану указанного титула⁵, заключает, что таким образом между Далай-ламой V и Гуши-ханом были официально установлены отношения «лама — милостынедатель» [Беспрозванных 1991: 93]. По мнению Сумба-кханбо⁶ Ешей-Балджора (1704–1788), представителя тибетской историографической традиции, ученого и религиозного деятеля, автора крупнейшего исторического

³ Титул Гуши-хана («Дай гууши» ‘Великий наставник’) был преподнесен хошутскому правителю, согласно тибетскому историку XVIII в., одним из буддийских иерархов Халхи после мирного разрешения с его участием конфликта между князьями ойратов и халха-монголов [Сумба-Хамбо 1972: 61–62; Санчиров 1977: 21].

⁴ Здесь В. П. Санчиров ссылается на: [Сумба-Хамбо 1972: 65].

⁵ Е. Л. Беспрозванных ссылается на книгу В. Д. Шакабпы [Shakabpa 1967: 105], и, хотя он дает несколько иные транслитерацию и перевод тибетского титула, чем переводчик текста книги тибетского автора [Шакабпа 2003], это не меняет его содержания. Отметим, что в этом месте в книгу российского ученого [Беспрозванных 2001: 93] вкралась опечатка, речь идет о 1638 г., о чем свидетельствует его отсылка к тибетскому источнику.

⁶ Имя Сумба-кханбо в литературе встречается также в форме Сумба-Хамбо. В статье принята форма имени, используемая д.и.н. Р. Е. Пубаевым, автором перевода и комментариев к сочинению указанного тибетского автора «История и хронология Тибета» [Пагсам-джонсан 1991].

¹ Цепон — один из высших государственных постов, который занимал Ванчуг Деден Шакабпа (1907–1989) в Тибете с 1930 по 1950 гг.

² Имя Лхавзан-хана в источниках упоминается в разных вариантах, в том числе Лхасангхан, Лхасан-хан. В статье нами далее используется последний вариант написания.

тибетского труда XVIII в., Гуши-хан «положил начало основанию известных тринадцати монастырских школ <...>, стал владыкой над тремя областями Тибета и благодаря могуществу своего колеса власти захватил при помощи войска религиозные общины секты кармапа, которые жили на границе между Кхамом и Тибетом и являлись противниками сторонников гэлугпы Конпо, вступил во власть как дхарма-раджа на троне бесстрашного льва — Махадэвы» [Пагсам-джонсан 1991: 467]. При этом Сумба-кханбо сообщает, что именованию Гуши-хана дхарма-раджей предшествовало якобы появление некоего ореола святости (свечения): «Белый свет стал озарять его со всех сторон, что и побудило признать его „хранителем религии“»; кроме того, хошутского правителя считали перерожденцем буддийского учителя Падмасамбхавы и почитали как защитника веры: «Поднял белый зонт буддийской религии вообще и драгоценной религии Цзонкхапы в особенности до вершины сансары» [Пагсам-джонсан 1991: 47]. Таким образом, соответственно его статусу «царя религии и веры» в тибетской историографии Гуши-хан стал именоваться «дхарма-раджа» (букв. ‘повелитель закона’). В 1642 г. после победы над приверженцами красношапочников и установления власти над Тибетом он передал верховную власть Далай-ламе V: «В пятый день четвертого месяца года Воды-Лошади, соответствующего 2186 году со времени ухода Будды или 1642 христианскому году, далай-лама торжественно вступил в Шигацзе и был посажен на трон в дворцовом зале аудиенций. На троны, стоящие чуть ниже, сели Гуши-хан и Сонам Чойпэл» [Шакабпа 2003: 123].

Сонам Чойпэл¹ — помощник Далай-ламы V, первым занявший должность *дэси* (или *дзэрид*, *диба*, *дипа*) — чиновника, функции которого сравнивают с премьер-министром, главным администратором, название должности ученые передают также как «регент-правитель» [Пагсам-джонсан 1991: 48]. По мнению В. Д. Шакабпы, завоевание области Цзан после победы над приверженцами красношапочников в других областях Гуши-ханом было инициировано вопреки замыслу Далай-ламы V именно Сонам Чойпэлом [Шакабпа 2003: 118–123], который принял участие в подчинении других округов, остававшихся верными правителю

Цзана, а затем в подавлении восстания против тибетского правительства. Исследователь отмечает, что «все политические дела велись *дэси*» [Шакабпа 2003: 124].

Подробное изложение тибетским исследователем истории завоевания Тибета включает положения, которые можно рассматривать как причину вывода о высоком статусе *дэси* и отсутствия упоминания в этом месте о статусе Гуши-хана после передачи верховной власти Далай-ламе V. Так, в 1635 г. сторонник красношапочников Цогту-тайджи направил 10-тысячный отряд под руководством своего сына Арслана в Тибет, но после встречи с Гуши-ханом Арслан изменил свои намерения и стал последователем Гелугпы [Шакабпа 2003: 116–117], затем последовал военный конфликт с 30-тысячной армией Цогту-тайджи, в которой хошутский правитель одержал победу [Шакабпа 2003: 117; Санчилов 1977: 22], в результате чего Гуши-хан установил господство в Кукуноре, куда в 1637–1638 гг. прикочевала основная масса его подданных. После дальнейших военных действий в Кхаме Гуши-хану предлагалось «вернуться домой, поскольку Далай-лама не хотел, чтобы было убито много людей» [Шакабпа 2003: 119]. Цепон В. Д. Шакабпа пишет: «...сначала думали, что Гуши-хан вернется в Кукунор», а при сообщении о том, что Гуши-хан с войском продолжил путь к У-Цзангу, Далай-лама предложил своему главному помощнику, что необходимо во избежание кровопролития «убедить монголов не вторгаться в Цанг, а вернуться в Кукунор. <...> Если нам удастся убедить его уйти, это приведет к нашему политическому успеху и защитит нашу честь» [Шакабпа 2003: 120]. Опасения Далай-ламы были связаны с тем, что в случае поражения им пришлось бы покинуть столицу Тибета — Лхасу — и «искать другую страну, в которой мы могли бы жить» [Шакабпа 2003: 122]. «Политический успех» в этом случае заключался не только в том, чтобы убедить не вторгаться в Цанг, но и откочевать в Кукунор.

В связи с вышеизложенным логичен вывод Е. Л. Беспрозванных, который считает, что Далай-лама V опасался, что Гуши-хан не уйдет в Кукунор, что и случилось: он поселился в восьми днях пути от Лхасы. В 1642 г. был установлен хошутский протекторат над Тибетом.

Тибетский автор XVIII в. Сумба-кханбо сообщает об этом событии в хроноло-

¹ В других источниках он упоминается как Соднам Чоспел [Беспрозванных 2001: 98].

гических таблицах, причем среди четырех отнесенных к 1642 г. событий перечисляет следующие: «Данцин-Чойчал /Гуши-хан/ прибыл в Цзан, захватил цзанского царя, сокрушавшегося /о потере/ лучших земель, подчинил своей власти Цзан и Кон и стал тибетским царем», «Сановник Соднам-Чойпэл с предыдущего года стал регентом» [Пагсам-джонсан 1991: 130] — и отмечает, что дхарма-раджа Гуши-хан «обеспечил процветание» и «объединил монголов и тибетцев» [Пагсам-джонсан 1991: 48]. В исследовании автора XX в., В. Д. Шакабпы, глава, в которой освещаются события этого периода, называется «Пятый Далай-лама берет власть на себя» [Шакабпа 2003: 113–137], причем завершается она утверждением, что хан и его наследники, хотя и назывались царями, «но по всем официальным установлениям, определявшим порядок рассаживания, занимали более низкое место, чем Далай-лама и *дэси*. Гуши-хан учредил светскую власть Далай-ламы, будучи независимым лидером хошутских монголов, но он не вмешивался в управление страной и не стремился контролировать ее политику. Вся власть и все полномочия находились в руках Пятого Далай-ламы, вплоть до его смерти» [Шакабпа 2003: 136–137]. Автор считает, что основой деятельности Гуши-хана было «религиозное рвение, дополнявшееся уважением к Далай-ламе и верой в него» [Шакабпа 2003: 136].

По мнению других исследователей, в период правления в Тибете Гуши-хана «присутствие хошоутов в Тибете было весьма ощутимым» [Беспрозванных 2001: 98–99], так как существовала оппозиция школе Гелугпа со стороны школы Кармапа, но по мере проведения централизаторской политики Далай-ламы V в Тибете и развития сети монастырей Гелугпы, с усилением ее позиций постепенно роль хошутских правителей в политической жизни Тибета становилась номинальной, хотя формально хошутские ханы назначали *дэси*, выбор оставался за Далай-ламой, который в отдельные периоды, не избирая администратора, непосредственно проводил управление¹ [Беспрозванных 2001: 100–102]. В. Д. Шакабпа же не упоминает хошутских правителей, когда пишет о назначении *дэси* Далай-ламой V: о втором *дэси* этот автор лишь пишет, что он

был «назначен» в 1660 г., о третьем — «Далай-лама назначил Лобсанга Тутоба» [Шакабпа 2003: 131], а при выборе четвертого «Далай-лама попросил племянника второго *дэси*, Сангье Гьяцо², стать новым *дэси*...», который отказался, но через четыре года стал пятым *дэси* [Шакабпа 2003: 134–135]. Высокая оценка деятельности первого *дэси*, Сонама Чойпэла, отражена в следующих словах: «*Дэси* выстроил непоколебимые отношения с монголами, подобно „искусной ткачихе, сплетающей нити ковра“» [Шакабпа 2003: 130].

Таким образом, в историографии при общем изложении фактов прослеживаются некоторые акценты. В сочинении тибетского автора XVIII в. восхваляются заслуги Гуши-хана, он признается перерожденцем и дхарма-раджей («тибетским царем» [Пагсам-джонсан 1991: 130]). В книге В. Д. Шакабпы заслуги хошутского правителя рассматриваются как религиозное рвение, позволившее оказать помощь Далай-ламе в завоевании всего Тибета; доказываются неправота некоторых китайских источников, в которых монголы считаются подвластными китайцам с давних времен, соответственно и Гуши-хан выступает как представитель китайской стороны [Шакабпа 2003: 136]. Вместе с тем в его труде отмечается, что желанием Далай-ламы после покорения Кхама было обеспечить возвращение Гуши-хана в Кукунор [Шакабпа 2003: 122], но из-за плана Сонам Чойпэла Гуши-хан продолжил завоевание области Цзан в Тибете.

Содержание отношений «наставник — милостынедатель» со временем менялось в соответствии с развитием политической ситуации, на которую большое влияние оказывала политика Цинской династии, установившейся в Китае в 1644 г. Как отмечает Л. С. Савицкий, назначенный в конце правления Далай-ламы V регент-правитель Санчжай Джамцо³ «постоянно искал и находил пути и способы ослабления власти хошутов в Тибете. Их власть и влияние (равно как и военная сила) к концу XVII в. были значительно ослаблены по сравнению

² В другом написании — Санчжай Джамцо.

³ Аба-Санчжай Джамцо стал регентом в конце правления Далай-ламы V, в 1679 г. [Пагсам-джонсан 1991: 133]. До него после смерти первого *дэси* в 1656 г. главными администраторами являлись: Тинлэй Гьяцо (1660–1668), Лобсанг Тутоб (1668–1675), Лобсанг Джинпа (1675–1679) [Шакабпа 2003: 131, 134, 135].

¹ К примеру, до назначения второго *дэси* (с 1656 до 1660 гг.) Далай-лама «сам исполнял обязанности правителя» [Шакабпа 2003: 130].

с временем Гуши-хана, который покорил Тибет для Гелугпы» [Савицкий 1983: 24]. И, если, освещая интронизацию Далай-ламы V в 1642 г., В. Д. Шакабпа говорит о том, что и *дэси*, и Гуши-хан были усажены на троны ниже религиозного иерарха, то, обобщая сведения об отношениях между светской и духовной властью, он уже ссылается на то, что тронное место хана и его наследников было ниже: дело в том, что при третьем *дэси* Лобсанге Тутобе (1668–1675) была введена традиция Дэньиг А-ку Бакдо — «обладания местом согласно положению в иерархии и возрасту», которую ввели в практику в 1672 г. Возможно, с этого времени, когда хошутами правил уже его младший сын Кончог Далай-хан [Шакабпа 2003: 132]; последнему было определено место ниже, чем *дэси*: ведь, повествуя об интронизации Далай-ламы V, тибетский историк не упоминает о том, что положение хана было ниже, чем у регента. Кроме того, несмотря на установленные между Далай-ламой V и хошутскими лидерами отношения «наставник — милостынедатель», Далай-лама V впоследствии признавал и то, что между ним и «маньчжурским Императором всегда существовало отношение религиозного патронажа» [Шакабпа 2003: 133].

Следствием изменившейся после правления Далай-ламы V ситуации в регионе явилось осложнение отношений с хошутским правителем Лхасан-ханом (потомком Гуши-хана) в конце XVII — начале XVIII вв. Сообщения об этом в хронологических таблицах Сумба-кханбо свидетельствуют о противоречиях и борьбе за политическую власть: в 1699 г. умер Цзанпо Номин-хан, в 1703 г. монгол Лхавсан стал царем (Тибета), в 1705 г. «снова Лхавсан стал царем», умер Далай-лама VI, в 1706 г. родился Далай-лама VII [Пагсам-джонсан 1991: 136].

Краткие сообщения тибетского историка становятся ясными в свете событий, связанных с историей Далай-лам VI и VII. Известный не только как религиозный деятель, но и как поэт (см. [Цаньян Джамцо 1983]), Далай-лама VI Цаньян Джамцо (Цаньян Гьяцо, 1683–1706 гг.) был тайно признан перерожденцем в 1685 г. и в 1688 г. перевезен в Нанкарце, где стал учиться у специально избранных наставников. В 1697 г. к нему был приглашен Панчен-лама, который дал юноше монашеское посвящение гецула¹, и

в том же году Цаньян Джамцо переехал во дворец Потала и был интронизирован как Далай-лама VI. Сразу после этого регент Санчжай Джамцо объявил о смерти Далай-ламы V и о том, что его 15-летний преемник уже возведен на трон Далай-ламы. Однако факт смерти Далай-ламы V (случившейся в 1682 г.) слишком долго скрывался; Цаньян Джамцо воспитывался вдали от Лхасы и отличался своим нестандартным поведением — в этом усматривают как следствие его воспитания в обычной семье, так и возможное специальное его воспитание как аристократа-мирянина с согласия регента в целях последующего возведения на трон светского правителя. Цаньян Джамцо официально отказался от принятия монашества и вел светский образ жизни, что признают и тибетские авторы, хотя дают этому и религиозное толкование [Савицкий 1983: 23–24, 94–100]. В мае 1702 г. регент обратился с письмом к Панчен-ламе, после чего влиятельные тибетские аристократы и главы монастырей встретились с Далай-ламой, тем не менее Цаньян Джамцо не принял полный монашеский обет и отказался от принятого ранее сана гецула, о чем свидетельствуют тибетские источники [Беспрозванных 2001: 142–143]. В. Д. Шакабпа называет в числе тех, кто обращался к Далай-ламе VI с просьбой не отказываться от обетов гецула, настоятелей трех больших монастырей, регента-*дэси* и Лхасан-хана [Шакабпа 2003: 142]. Однако, по Сумба-кханбо, Лхасан-хан стал «царем Тибета» в 1703 г. [Пагсам-джонсан 1991: 136], а годом ранее, согласно этому источнику, Цаньян Джамцо «был выдворен из Даший-Лхунбо на перевоспитание по нравственному закону — шила» [Пагсам-джонсан 1991: 136] (так описывается отказ от сана гецула).

Л. С. Савицкий обратил внимание на то, что, поскольку Лхасан-хан стал «царем Тибета» в 1703 г., он не мог принять участие в якобы имевшем в 1701 г. место события, сведения о котором известны из сообщений католических миссионеров: как будто бы император Канси, джунгарский Цэван-Рабдан и хошутский Лхасан-хан «официально уведомили VI Далай-ламу Цаньян Джамцо о том, что не считают его истинным перерождением V Далай-ламы. И Цаньян Джамцо якобы в ответ на это без сопротивления в присутствии самого II Панчен-ламы отка-

¹ В тибетском буддизме существуют три степени посвящения монахов: первая — генин,

зался от прав духовного главы секты Гелуг-па» [Савицкий 1983: 18]. То, что хошутский правитель принял титул «царя Учения» в 1703 г., ученый считает дополнительным свидетельством в пользу мнения Л. Петеха, что такого совместного обращения не было [Petech 1966: 164–166; Савицкий 1983: 18–19]. Но и Л. Петех, и Л. С. Савицкий считают, что в 1702 г. отречение Далай-ламы VI от сана гецула и отказ от принятия сана гелонга все же состоялись [Савицкий 1983: 19]. Лхасан-хан как один из представителей высокопоставленных светских лиц Тибета прибыл вместе с Далай-ламой (но без Санчжай Джамцо) для переговоров по этому поводу в резиденцию Панчен-ламы, что, по мнению Л. С. Савицкого, еще раз подтверждает, что он еще не был «Царем — защитником Учения». «В этих уговорах должен был принимать участие и Лхавзан-хан, хотя <...> трудно ожидать от него искренней заинтересованности в их положительном завершении», — пишет российский ученый [Савицкий 1983: 19–20].

В тибетском обществе, несмотря на эти события, Цаньян Джамцо сохранил свой высокий духовный авторитет. Со ссылкой на И. Л. Малика [Malik 1984: 33] Е. Л. Беспрозванных отмечает, что среди тибетцев наиболее популярной являлась теория, согласно которой Далай-лама VI собирался сначала стать мирянином, а затем самостоятельно править Тибетом как светский правитель и установить наследственную монархию, укрепить полный контроль и усилить оборонный потенциал страны [Беспрозванных 2001: 143] (в этом случае уже не нужны были бы войска монголов). По мнению Е. И. Кычанова и Л. С. Савицкого, *дэси* Санчжай Джамцо специально воспитывал Далай-ламу VI как «феодала-мирянина» [Кычанов, Савицкий 91; Савицкий 1983: 21].

В сложных условиях обострилась борьба за власть в Тибете: власти регента Санчжай Джамцо противостоял Лхасан-хан, который принял в 1703 г. титул царя Тибета и предпринимал попытки завоевания реальной власти в стране. Поводом послужило поведение Цаньян Джамцо, разгорелись споры об истинности перерожденца. Е. Л. Беспрозванных делает вывод: «Фактически решался вопрос: кто будет править страной — тибетцы или хошоуты; но формально разногласия двух группировок сводились к выяснению «истинности» или «не-

истинности» Цаньяна Чжамцо», — и приводит мнение Л. Петеха о том, что сложилась ненормальная ситуация, когда Далай-лама не принимал на себя духовные обеты, регент не имел полноту власти, что не могло не быть на руку хошоутскому хану [Беспрозванных 2001: 144].

Противостояние между Лхасан-ханом и *дэси* В. Д. Шакабпа объясняет разными взглядами на религиозную практику, спорами между монголами и тибетцами, поступками Далай-ламы [Шакабпа 2003: 144], что привело к совещанию высших лиц Тибета, на котором было решено, что Лхасан-хан должен находиться в Кукуноре, а не в Тибете — практически это означало, что наследника «царя Тибета» просили удалиться из этой страны. Но в результате последующих событий (военного противостояния, казни ушедшего в отставку *дэси*) в 1705 г. власть в Тибете практически оказалась в руках Лхасан-хана, о чем сообщается: «Лхасан-хан прибыл в Лхасу и установил свой политический контроль» [Шакабпа 2003: 144]. Последнее было одобрено цинским императором [Шакабпа 2003 144–145; Савицкий 1983: 25–26].

При этом «исчез» назначенный предыдущим *дэси* в 1703 г. новый регент Нгаванг Ринчен [Шакабпа 2003: 144–145], что способствовало концентрации власти в руках одного хана, и, по мнению тибетского ученого, несмотря на то, что Лхасан-хан поддерживал Далай-ламу, «со временем он обрел контроль над Центральным Тибетом и все сильнее стал критиковать последнего» [Шакабпа 2003: 145], а затем, вступив в союз с маньчжурским императором, объявил о низложении Далай-ламы. Цаньян Джамцо был отправлен в Пекин и по дороге между Тибетом и Кукунором умер [Беспрозванных 2003: 151]. В. Д. Шакабпа прямо называет «найденного» в связи с «неподлинностью» Цаньян Джамцо другого претендента на титул (в 1707 г. интронизированного в качестве Далай-ламы VI под именем Агван Ешей Джамцо) ставленником Лхасан-хана, хотя тот и был признан Панчен-ламой II, с которым наладил отношения хошутский правитель [Шакабпа 2003: 146].

Поскольку для верующих было очевидно, что должна была быть продолжена линия перерожденчества в связи с кончиной Далай-ламы VI Цаньян Джамцо, было обнаружено его перерождение. Но Далай-лама VII Галсан Джамцо (Кэлсанг Гьяцо)

(1708–1757) находился долгое время в монастыре Гумбум, где практически оставался заложником сложных отношений между хошутским Лхасан-ханом, правившим в Тибете, кукунорскими князьями, являвшимися потомками Гуши-хана и предполагавшими, что протекторат должен быть установлен и ими, а также цинскими властями.

В данной ситуации в Тибете появилась новая сила. Правитель Джунгарского ханства по просьбе монахов трех гелугпинских монастырей выступил под знаменем возведения истинного (седьмого) Далай-ламы на трон и вступил в военные действия с Лхасан-ханом. В декабре 1717 г. джунгарские войска вошли в Лхасу, захватив Поталу, Лхасан-хан был убит. После этого, пишет В. Д. Шакабпа со ссылкой на автобиографию Панчен-ламы II, джунгары сразу же назначили Лхагъела Рабтэна (ранее известного как Такце Шабдунг) новым *дэси* [Шакабпа 2003: 149], т. е. восстановили должность главного администратора.

Тибетский историк Сумба-кханбо характеризует противостояние хошуты и джунгаров в Тибете следующим образом: «Галдан-хун-тайчжи, хан монголов левого крыла, услышал, что (Лхавсан-хан) совершил нечто неверное в отношении установившейся системы взглядов, и вступил в союз с некоторыми, кто посылал подарки, стянул в Тибет войска, в год огня-курицы (1717 г.) разгромил Лхавсана, добился очищения религии, освободил от грешников» [Пагсам-джонсан 1991: 49]. В этом месте своего сочинения Сумба-кханбо датирует события 1717 г., но связывает освобождение Далай-ламы VII с Галданом Бошогту-ханом (который скончался в 1697 г.). Но в другом месте хошутский историк указывает, что в 1717 г. «войска левого крыла хоров¹ убили тибетского царя Лхавсана», в 1718 г. «джунгарские войска левого крыла закрыли все монастыри секты ньингмапа, как Намчжал-лин, Дорчжэбраг, Миндоллин и прочие, которые были преподнесены (переданы) главе секты гэлугпа», а в 1719 г. Далай-лама VII Галсан-Чжамцо по приказу китайского императора был сопровожден (в Тибет) [Пагсам-джонсан 1991: 137]. Таким образом, в истории событий 1717 г. упоминание Галдана Бошогту-хана оказывается неточностью, в хронологических таблицах речь идет о левом крыле войска монголов

(называемых тибетцами «хор»), правитель их назван «ханом левого крыла» (т. е. букв. ‘ханом левой стороны, или джунгарским ханом’). Речь идет о правившем в эти годы Цэван-Рабдане.

Цепон В. Д. Шакабпа в этой связи отмечает, что союзные отношения со светским правителем Тибета — *дэси* — были характерны еще при отце Цэван-Рабдана, Батуре-хунтайджи, которого называет «Далай Кунгтэджи», «ревностным союзником *дэси* Сангье Гьецо» [Шакабпа 2003: 147]. Обращение тибетских монахов к джунгарскому правителю со ссылкой на В. Рокхила [Rockhill 1910: 37] В. Д. Шакабпа объясняет их просьбой свергнуть Лхасан-хана и обеспечить правление подлинного Далай-ламы в Тибете [Шакабпа 2003: 147]; о хошутском хане тибетский историк пишет, что тот «поддерживал тесные отношения с маньчжурским императором Китая Кан-си, но во всех отношениях управлял Центральным Тибетом как независимый военный правитель» [Шакабпа 2003: 149]. Но именно установление хошутами связей с цинским Китаем определило позицию императора, состоявшую в том, что покровителями Тибета должны выступать маньчжурская власть в Китае и потомки Гуши-хана: джунгары, с которыми маньчжуры воевали, не устраивали цинскую сторону как светские правители Тибета.

Цэван-Рабдан объяснял вторжение своих войск в Тибет преступлениями, совершенными Лхасан-ханом против религии и церкви. Но джунгарские войска не могли восстановить на троне перерожденца, находившегося в то время среди хошуты в Кукуноре (в монастыре Гумбум). Только после китайской миссии, побывавшей в Тибете в конце 1718 — начале 1719 гг. и выяснившей, что все тибетцы признают претендента в качестве Далай-ламы VII, император Сюань Е издал указ, в котором предписывал кукунорским хошутам весной 1719 г. препроводить гумбумского перерожденца в Лхасу. 27 апреля 1720 г. новому Далай-ламе были вручены золотые диплом и печать. Сопровождением Далай-ламы VII из Кукунора в Тибет воспользовались цинские власти, чтобы выдворить с тибетской территории джунгарские войска. В связи с прибытием Далай-ламы были разосланы прокламации, в которых говорилось, что признающие его истинным перерожденцем должны повиноваться командиру сопрово-

¹ Левое крыло хоров — т. е. левое крыло монголов, джунгары.

ждавшей его армии [Беспрозванных 2001: 168–169].

В. Д. Шакабпа объясняет изменение отношения к джунгарам разорением последними двух нигмапинских монастырей, их неудачной попыткой вернуть в Лхасу Далай-ламу из Кукунора [Шакабпа 2003: 149–150] и акцентирует внимание на том, что в изгнании джунгаров из Тибета участвовали тибетские войска под предводительством аристократов Полханэя и Кангченнэя [Шакабпа 2003: 151], которые «вынудили джунгаров бежать из Лхасы». По мнению тибетского историка, маньчжурский император не собирался покорять Тибет, а направил свою армию для мщения за гибель своего союзника Лхасан-хана и восстановления Далай-ламы на троне» [Шакабпа 2003: 151–152].

Р. Е. Пубаев в комментариях к труду Сумба-кханбо пишет о Полханэе (называемом им Пола-Соднам-Тобчжя), что «он при поддержке цинского императора Юнчжэна (1723–1736) положил конец джунгарской оккупации Лхасы в 1717–1722 гг., в 1740 г. получил титул „царя“ Тибета и проводил процинскую политику» [Пагсам-джонсан 1991: 196]. В. Д. Шакабпа называет Полханэя «единоличным правителем Тибета» [Шакабпа 2003: 160] и описывает далее судьбу его сына, пытавшегося изменить отношения с маньчжурами и погибшего «в борьбе за независимость Тибета» [Шакабпа 2003: 162].

Таким образом, обратившись к джунгарскому правителю, тибетская сторона обеспечила решение вопроса с укрепившим власть хошутским Лхасан-ханом, приведшим к трону своего ставленника — непризнанного обществом Далай-ламу VI. Джунгары, сразу же назначившие *дэси* Лхагъела Рабтэна (Такце Шабдунга) [Шакабпа 2003: 149], практически могли сменить Лхасан-хана, так как после смещения «неистинного» Далай-ламы VI в 1717 г. к власти должен был прийти малолетний Далай-лама VII (род. в 1708 г.). При этом специально направленная в Тибет миссия выяснила, что джунгары не собирались оставлять Тибет, более того, джунгарский полководец якобы сказал, что «силой захватил Тибет и с помощью силы не только удержит его, но, возможно, захватит и другие королевства» [цит. по: Беспрозванных 2001: 166].

В историографии известно письмо китайского императора, который писал Да-

лай-ламе VII и его сторонникам, что признает верховного иерарха и желает осуществления связей в рамках отношений «лама — милостынедатель»: «Я и потомки Гуши-хана являются его покровителями» [Шакабпа 2003: 150]. Е. Л. Беспрозванных считает, что мнение современной тибетской религиозной эмиграции, согласно которой выдворение маньчжурской армией джунгаров было реализовано в рамках тибетско-китайских отношений по формуле «лама — милостынедатель», неубедительно, и обращает внимание на сообщение по этому поводу тибетского автора XVIII в. Сумба-кханбо, который писал, что «с этого времени Китай подчинил своей власти Тибет» [Пагсам-джонсан 1991: 49].

На этот же тибетский источник ссылается А. Г. Люлина в подтверждение тезиса о том, что после завоевания джунгарами в 1717 г. Лхасы уже в конце 1719 г. «цинские войска при поддержке монголов заставили джунгар покинуть Тибет и возвели в сан Далай-ламу VII» [Люлина 2015: 47]. Автор считает, что до середины XVIII в. Далай-лама «фактически осуществлял верховную духовную и светскую власть в Тибете, однако ввиду постоянной джунгарской угрозы и сложностей в административном управлении государством тибетские правители стали обращаться за помощью к императору» [Люлина 2015: 47]. Этому противоречат данные Сумба-кханбо, который сообщает: «Пола-тэчжэ был назначен регентом, а впоследствии управлял в звании чун-вана» [Пагсам-джонсан 1991: 139], и мнение В. Д. Шакабпы, называющего Полханэя (ум. в 1747 г.) единоличным правителем Тибета.

События начала XVIII в. происходили в условиях, когда цинское государство продолжало проводить политику по расширению своих владений и установлению господства на соседних территориях. И Тибет, и Джунгарское ханство, и Кукунор находились в сфере интересов маньчжурского императора. Цинская империя вела политику завоевания Джунгарии и одновременно пыталась усилить свое влияние на Тибет. В союзе хошутского Лхасан-хана и маньчжурской власти первый пытался опереться на мощного соседа, с помощью которого он мог подчинить себе Тибет в условиях, когда Далай-ламой стал его «ставленник»; для цинского императора имело важное значение подчинение Тибета влиянию внешней политики маньчжуров [Савицкий 1983: 25].

Повышенный интерес к событиям в Тибете В. Д. Шакабпа объясняет сближением тибетцев с джунгарами [Шакабпа 2003: 145], что, несомненно, имело место в связи с противостоянием Цинов и джунгаров.

Еще на рубеже XVII–XVIII вв. тибетский регент Санчжай Джамцо — противник Лхасан-хана — вступил в тайные связи с джунгарами, что было определено противостоянием *дэси* с Лхасан-ханом и вполне отвечало характеристике, данной регенту Далай-ламой: «Выстроил отношения с монголами, подобно искусной ткачихе, сплетающей нити ковра» [Шакабпа 2003: 130]. Л. С. Савицкий объясняет этот поступок Санчжай Джамцо, лавировавшего между маньчжурами и монголами, желанием объединить всех монголов, чего добивался Галдан Бошогту-хан, «давний и стойкий противник маньчжуров» [Савицкий 1983: 15]. И. Я. Златкин приводит данные, что в противостоянии с маньчжурами пришедший к власти после Галдана Бошогту-хана Цэван-Рабдан добивался ухода цинских войск из Джунгарии и Восточного Туркестана, присоединения Халхи к Джунгарскому ханству с целью объединить монгольские народы под властью джунгаров — для чего ойратский правитель вступал в переговоры с российской стороной¹ [Златкин 1983: 231]. С учетом замыслов Цэван-Рабдана об объединении монголов и ойратов его поход в Тибет может быть рассмотрен не только как выполнение религиозного долга и оказание помощи главам монастырей.

Но этим замыслом противостояла политика хошутского Лхасан-хана и маньчжурской власти, которые также вступили в союз, что отмечается в тибетской историографии [Шакабпа 2003: 145]. При этом хошутский правитель пытался усилить свое влияние и вновь установить отношения, которые были при Гуши-хане, реально осуществлявшем свою политику в Тибете. Цинские власти действовали по принципу «разделяй и властвуй», не допуская как объединения монгольских народов (в том чис-

ле способствуя противостоянию ойратов и монголов), так и установления союза между ними и Тибетом.

В. Д. Шакабпа, повествуя о пленении и гибели во время боя Лхасан-хана, заключает: «Так закончилась жизнь Лхасанг-хана, который правил Тибетом с 1705 года по 1717 год. Он поддерживал тесные отношения с маньчжурским императором Китая Кан-си, но во всех отношениях управлял Центральным Тибетом как независимый военный правитель» [Шакабпа 2003: 149]. Мнение тибетского автора противоречит мнению российских исследователей, которые считают, что еще в 1708 г. имела место попытка установить китайский протекторат вместо хошутского [Беспрозованных 2001: 152], а «джунгарское нашествие» «положило конец хошоутскому протекторату в Тибете», поскольку духовенство Гелугпы фактически отвергло его в качестве милостынедателя и обратилось за помощью к джунгарскому Цэван-Рабдану. В целом вынужденное обращение Лхасан-хана за поддержкой к цинскому двору ознаменовало начало попыток маньчжурских властей поставить под контроль тибетскую церковь и государство, что явилось и началом нового этапа тибето-китайских отношений [Беспрозованных 2001: 162].

Таким образом, отношения между тибетскими верховными иерархами и хошутскими правителями складывались в XVII–XVIII вв. в рамках формулы «лама — милостынедатель». Однако политическая ситуация была весьма сложной, и эти отношения развивались в соответствии с внешними связями между Тибетом, маньчжурской властью и ойратами, которые выступали неизменно на стороне Гелугпы.

В тибетской историографии разных периодов отражена специфика исторического периода и позиция авторов. В сочинении XVIII в. тибетский религиозный деятель Сумба-кханбо отмечает религиозные заслуги Гуши-хана и называет его тибетским царем, дхарма-раджей, перерождением Падмасамбхавы [Пагсам-джонсан 1991: 130]. В труде тибетского историка XX в., представителя тибетского правительства в изгнании, Цепона В. Д. Шакабпы прослеживается тема борьбы за независимость Тибета, которая продолжалась на протяжении длительного хронологического периода, в том числе во время событий, связанных с пребыванием в Тибете хошутских и джунга-

¹ Цэван-Рабдан при переговорах сравнивал себя с Аюкой-ханом калмыцким: «Взамен Цэван-Рабдан просил: „1. Оборонить бы его от китайцев и от мунгалцев, и он будет жить так как Аюка-хан. 2. Отобратить бы у китайцев мунгалов, дать ему, как Аюке мангуты даны. 3. Чтоб ему с ясашных людей, с которых он имел ясак, по-прежнему брать. 4. Беглых бы его калмыков не принимать и не отдавать”» [Златкин 1983: 229].

ров. В. Д. Шакабпа развенчивает позицию некоторых китайских источников о том, что монголы являлись подданными Китая, а следовательно, Гуши-хан являлся представителем китайской стороны. Основные положения тибетского историка при изложении этих событий следующие: а) Гуши-хан установил светскую власть Далай-ламы; б) Гуши-хан был независим от маньчжуров и возглавлял хошутских монголов; в) Гуши-хан не вмешивался в управление страной, и вся полнота власти принадлежала Далай-ламе V [Шакабпа 2003: 136–137]. Однако изложение автором событий, связанных с завоеванием Цзана и пожеланием Далай-ламы V Гуши-хану отправиться обратно в Кукунор, свидетельствуют о реальном соотношении власти в начальный период, когда в Тибете был установлен хошутский протекторат.

В дальнейшем деятельность Далай-ламы V по объединению Тибета и укреплению позиций буддийской церкви, развитию сети монастырей Гелугпы способствовала укреплению его власти, в связи с чем роль хошутских правителей в политической жизни Тибета становилась номинальной. В условиях же кризиса власти, наступившего в первые годы правления Цаньян Джамцо, как считает Е. Л. Беспрозванных [2001: 147], стоял вопрос: «Кто будет править страной — тибетцы или хошоуты». Сопоставив решение совещания высших лиц Тибета 1702 г., согласно которому Лхасан-хан должен был находиться в Кукуноре, а не в Тибете, с пожеланием Далай-ламы V отправиться Гуши-хану в Кукунор в момент, когда тот собирался завоевать Цзан, можно сделать вывод, что ситуация была схожей. В целом религиозная легитимация отношений «учитель — милостынедатель» являлась официальным оформлением отношений между двумя сторонами, при этом реальная ситуация была довольно сложной.

Как отмечает Л. С. Савицкий, *дэси* Санчжай Джамцо искал пути и способы ослабления власти хошутов в Тибете и достиг определенного успеха [Савицкий 1983: 24]. Его союз с джунгарскими лидерами был направлен как против маньчжуров, противниками которых являлись джунгары, так и на ослабление власти хошутов. С другой стороны, в политике джунгарских Галдана Бошогту-хана и Цэван-Рабдана имела цель объединения монгольских народов, поэтому осуществление помощи тибетцам в

борьбе с хошутским «царем Тибета», помимо главной задачи религиозного характера, могло способствовать и подчинению хошутской власти джунгаров, и установлению особых отношений с Тибетом. Но с изменением ситуации, появлением недовольства среди тибетцев по отношению к джунгарам, последние оказались без союзников. Позднее, в 1750 г., отношения с джунгарами вновь решил возобновить глава тибетского правительства, сын Полханэя Гьюмэ Намгел, последовательно пытавшийся бороться с маньчжурским влиянием, но его правление закончилось ранее, чем он сумел осуществить свои планы [Шакабпа 2003: 161].

Тибетский историк объясняет противостояние между Лхасан-ханом и *дэси* разными взглядами на религиозную практику, спорами между монголами и тибетцами, поступками Далай-ламы, т. е. в качестве основного противоречия рассматривается не политическая, а религиозная сторона вопроса. Вместе с тем В. Д. Шакабпа, излагая исторические факты, приводит сведения, подтверждающие выводы российских исследователей о том, что в период джунгарского похода в Тибет решался вопрос о его будущем и о том, сможет ли какая-либо из сторон в условиях политического кризиса установить протекторат над Тибетом.

Литература

- Беспрозванных Е. Л. Лидеры Тибета и их роль в тибетско-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во Волгоградск. ун-та, 2001. 356 с.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука — Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 332 с.
- Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны Снегов. М.: Наука — Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. 320 с.
- Люлина А. Г. Тибет под патронажем Цин в XVIII в.: особенности взаимодействия // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2015. № 4. С. 46–55.
- Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 282 с.
- Савицкий Л. С. Введение. VI Далай-лама Цаньян Джамцо и Тибет XVII–начала XVIII в. // Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. Изд-е текста, пер. с тиб., иссл. и коммент. Л. С. Савицкого. М.: Наука — Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. С. 12–36.
- Санчиров В. П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении //

- Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 14–25.
- Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы» / пер. с тиб., введ. и прим. Б. Д. Дандарона. М.: Наука, 1972. 166 с.
- Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. Изд-е текста, пер. с тиб. яз., иссл. и коммент. Л. С. Савицкого. М.: Наука — Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 200 с.
- Шакабпа Цепон В. Д. Тибет: политическая история / пер. с англ. А. Дюранова, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 2003. 428 с.
- Парсам-джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тиб. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ие, 1991. 264 с.
- Malik I. L. The Dalai Lamas of Tibet: succession of births. New Delhi: Uppal Publishing House, 1984. 188 p.
- Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century // T'oung Pao. Leiden, 1966. Vol. 52. livr 4/5. P. 261–292.
- Rockhill W. W. The Dalai-Lamas of Lhasa and Their Relations with Manchu Emperors of China 1644–1908. Leiden: Oriental Printing Office, 1910. 104 p.
- Shakabpa Tsepon W. D. Tibet: A Political History. New Haven–London: Yale University Press, 1967. 351 p.
- Savitskiy L. S. *Vvedenie. VI Dalay-lama Tsan'yan Dzhamtso i Tibet XVII — nachala XVIII v.* [Introduction. The 6th Dalai Lama Tsangyang Gyatso and 17th—early 18th cc. Tibet]. *Tsan'yan Dzhamtso. Pesni, priyatnye dlya slukha. Izd-e teksta, per. s tib. yaz., issl. i komment. L. S. Savitskogo* [Tsangyang Gyatso. Songs that feast the ears. Texts. Transl. from Tib., studied and edit. by L. Savitskiy]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1983, pp. 12–36 (In Russ.).
- Sanchirov V. P. *Teokratiya v Tibete i rol' Gushikhana v ee okonchatel'nom utverzhdenii* [Tibetan theocracy and Gushi Khan's role in its complete establishment]. *Lamaizm v Kalmykii* [Lamaism in Kalmykia]. Elista, Publ. Dept. of Kalm. Research Institute of History, Lang. and Literature, 1977, pp. 14–25 (In Russ.).
- Sumba-Khambo. *Istoriya Kukunora, nazyvaemaya «Prekrasnye noty iz pesni Brakhmy»* / per. s tib., vved. i prim. B. D. Dandarona [History of Kokonor called “Magnificent notes of Brahma's song”. Transl. from Tib., introd. and comment. by B. Dandaron]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 166 p. (In Russ.).
- Tsangyang Gyatso. *Pesni, priyatnye dlya slukha. Izd-e teksta, per. s tib. yaz., issl. i komment. L. S. Savitskogo* [Songs that feast the ears. Texts. Transl. from Tib., studied and edit. by L. Savitskiy]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1983, 200 p. (In Russ.).
- Shakabpa Tsepon W. D. *Tibet: politicheskaya istoriya* / per. s angl. A. Dyuranova, pod red. A. Terent'eva [Tibet: a political history. Transl. from Eng. by A. Dyuranov, edit. by A. Terentyev]. St. Petersburg, Nartang Publ., 2003, 428 p. (In Russ.).
- Pagsam-dzhonsan: *istoriya i khronologiya Tibeta. Per. s tib. R. E. Pubaeva* [Pagsam-Dzhonsan. Tibetan chronological tables. Transl. fro Tib. by R. Pubaev]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 264 p. (In Russ.).
- Malik I. L. The Dalai Lamas of Tibet: succession of births. New Delhi, Uppal Publ., 1984, 188 p. (In Eng.).
- Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century. T'oung Pao. Leiden, 1966, vol. 52, livr 4/5, pp. 261–292 (In Eng.).
- Rockhill W. W. The Dalai-Lamas of Lhasa and Their Relations with Manchu Emperors of China 1644–1908. Leiden, Oriental Printing Office, 1910, 104 p. (In Eng.).
- Shakabpa Tsepon W. D. Tibet: A Political History. New Haven–London, Yale University Press, 1967, 351 p. (In Eng.).

References

- Besprozvannykh E. L. *Lidery Tibeta i ikh rol' v Tibetско-kitayskikh otnosheniyakh XVII–XVIII vv.* [Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations: the 17th–18th cc.]. Volgograd, Volgograd State Univ. Press, 2001, 356 p. (In Russ.).
- Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva. 1635–1758. 2-e izd.* [A history of the Dzungar Khanate: 1635–1758. 2nd ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 332 p. (In Russ.).
- Kychanov E. I., Savitskiy L. S. *Lyudi i bogi Strany Snegov* [People and Gods in the Country of Snows]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1975, 320 p. (In Russ.).
- Lyulina A. G. *Tibet pod patronazhem Tsin v XVIII v.: osobennosti vzaimodeystviya* [Tibet under the auspices of the Qing Empire in the 18th century: features of interaction]. *Vestnik RUDN. Ser. Vseobshchaya istoriya* [RUDN Journal of World History], 2015, No. 4, pp. 46–55 (In Russ.).
- Martynov A. S. *Status Tibeta v XVII–XVIII vv.* [The status of Tibet]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 282 p. (In Russ.).

УДК 94

ОЙРАТЫ И ТИБЕТ В XVII–XVIII ВВ.: ОБ ОСВЕЩЕНИИ НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХОШУТАМИ И ДЖУНГАРАМИ, В ТИБЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Эльза Петровна Бакаева ¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bakaevaep@kigiran.com.

Аннотация

В статье рассматриваются события, связанные с участием ойратов в политической жизни Тибета в XVII–XVIII вв., освещаются некоторые факты, иллюстрирующие отношения светской и духовной власти. Показано, что в сочинении тибетского автора XVIII в. указанные события освещаются кратко, а в исследовании современного историка, основанном на целом ряде источников, представлены подробные и ценные сведения о хошутском и джунгарском пребывании в Тибете. При этом в тибетской и российской историографии имеются определенные особенности изложения некоторых фактов.

Ключевые слова: ойраты, Тибет, XVII в., XVIII в., светская и духовная власть, историография.